

Клиническая виктимология
(клиническая социально-психологическая виктимология). 2026. № 1

Научная статья

УДК 159.97+316.6+159.922.7

Деформация ментальных функций как клинико-виктимологический механизм виктимодрамагенеза психики ребенка в гиперопекающей семье

М. Е. Кургузов^{1, 2, 3}

¹ Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск

² Средняя образовательная школа № 155, Новосибирск

³ Лаборатория социально-психологической виктимологии личности профессора Е. В. Руденского, Новосибирск

Аннотация. Одной из основных целей и направлений построения психологической и педагогической деятельности является развитие ментальных функций субъектного саморегулирования у современной личности. Данная задача реализуется всеми педагогическими и психологическими ресурсами, социально-помогающими специалистами, работающими в системе образования, абилитации и в иных структурах оказания психологического сопровождения. При детальном анализе феномена ментального развития человека в настоящем времени существует огромное количество рисков и ситуаций, в которых ставится под угрозу процесс социогенеза психики человека, протекающий первично в самой близкой и сильнейшим образом влияющей на развитие психики человека группе – семье, потому крайне актуальным является вопрос о построении, управлении и реализации крайне сложного, но в то же время критически важного процесса культурного социогенеза ментальных функций в самой часто распространенной виктимогенной семейной ситуации развития личности – гиперопекающей семье, где развитие психики обретает порой крайне дефектный и деструктивный вид. Понимание этого феноменального явления сформировалось на основе теоретико-концептуальных идей социально-психологической виктимологии личности профессора Е. В. Руденского.

Ключевые слова: виктимогенная гиперопекающая семья; виктимодрама сознания; дисфункциональность; культурный социогенез; ментальная функция

Для цитирования: Кургузов М. Е. Деформация ментальных функций как клинико-виктимологический механизм виктимодрамагенеза психики ребенка в гиперопекающей семье // Клиническая виктимология (клиническая социально-психологическая виктимология). – 2026. – № 1. – С. 44–49.

В социально-психологической виктимологии личности Е. В. Руденского семья играет фундаментальную роль в развитии психического и личного, бу-

дучи навигатором развития человека. На сегодняшний момент в семейном институте социализации человека большинство групп семейного пространства в процессе воспитания ребенка применяет гиперопекающий стиль воспитания, гиперпротекционный стиль воспитания, выстраивают симбиотические отношения с ребенком [4].

Гиперопекающий, гиперпротекционный стили воспитания характеризуются высоким уровнем контроля когнитивной деятельности ребенка, эмоциональной деятельности ребенка, социального окружения ребенка, подавлением волевого саморегулирования и проявления усилия ребенка, стремлением к доминированию над ребенком при дефиците ощущения контроля над ним, манипулировании чувством вины, обиды, признании неполноценности ребенка с дальнейшим формированием чувства стыда и т. д. Гиперопека есть стремление захватить инициативу и управлять деятельностью ребенка по ряду причин:

1. Высокий уровень тревожности современного родителя [5], что является предиктором контролирующего стиля воспитания, желания внедрения в границы значимого другого для закрытия дефицита самооценности и собственной значимости, несущего угрозу ощутить себя униженным, социально отвергаемым, социальной семейной безопасностью, статусной безопасностью. Высокий уровень тревожности обусловлен культурной травмой российского общества в конце прошлого века [15], драматическим переживанием значительного количества зрелого населения травматичных жизненных ситуаций, приводящих к деструкции эмоционального состояния, утрате субъектной регуляции и, вследствие, ощущения личностной безопасности.

2. Повышение количества субъектов современного социокультурного поля с имеющимися дефицитом, диффузией Я-концепции, утратой собственного «Я» [13]. Личность с дефицитарным «Я» стремится владеть жизненной ситуацией и контролировать иной субъект для закрытия дефицита собственной значимости, «проживать жизнь за своего ребенка». Данная проблема исторически формируется в деформации культуры большинства государств и стран мира в сторону капиталистических тенденций, диктующих функциональные диспозиции нарциссического перфекционизма в культуре выстраивания самоотношения, социально-ролевого оценивания, социально-ролевой репрезентации современной личности, потребительского гедонизма в формировании мотивационной, волевой, потребностной в сферах личности [11].

3. Снижение общей компетентности института семьи как следствия гипопротекционного воспитания «потерянного поколения» крайней четверти прошлого столетия, вызванной экономическим, политическим, культурным кризисами страны и общества в целом.

Выстраивая понимание развития психического, с позиции ментального конструктивизма Л. С. Выготского, развитие ментальных функций является процессом социогенетическим, культурно обусловленным и протекает в драматической деятельности межличностных отношений [3]. Ментальная функция является системной организацией психических процессов, реализующихся в деятельности субъекта [14]. Ментальное и мыслительное являются

разными сферами субъективной саморегуляции личности, иерархически обустроенными на разных уровнях деятельностного саморегулирования субъекта. Ментальная функция направлена на задачи личностной мотивации функционирования, формируясь в сплетении с личностными ценностями, мотивами и в перманентном осознании себя личностью как первопричины своего действия [10]. Ментальные функции являются инструментами организации функционально-психологической и социально-ролевой сфер осуществления деятельности личности как социального актора и представляют собой следующий перечень функциональных процессов, которые выявлены многими авторами, исследующими ментальные процессы саморегулирования и в настоящее время исследуются, обобщаются и систематизируются в деятельности «Лаборатории социально-психологической виктимологии личности профессора Е. В. Руденского»: проницание, идентификация, индукция, дедукция, доказательство, интерпретация, абстрагирование, рассуждение, антиципация, контроль, самоконтроль, прогнозирование, принятие решения, целеобразование, планирование, программирование, концептуализация, проблематизация, рефлексия, переживание [1; 6; 14].

Данные ментальные регуляторы функционально-психологической и социально-ролевой деятельности личности как социального актора возвращаются в процессе культурного социогенеза личности как системы механизмов зарождения, формирования и развития субъектности и субъектного саморегулирования личности [12]. В процессе социогенеза личности и реализуются следующие процессы культурного развития личности [12]:

- интеракция – запускающий механизм социогенеза функции;
- интериоризация – объективизирующий механизм социогенеза функции;
- экстериоризация – актуализирующий механизм социогенеза функции.

В процессе культурного развития психического всякая ментальная функция проходит данный эпигенетический цикл, протекание которого детерминируется семьей как социокультурным пространством, в котором опредмечивается, исследуется и апробируется всякая модель поведения. Гиперопекающая модель семейного воспитания, будучи моделью авторитарного контроля ребенка родителем, либо же дефензивного потакания ребенку родителем, нарушает принцип интеракции как формы отношений, включающую взаимодействие эмоционально включенного доверительного субъект-субъектного характера [2]. Интеракция не подразумевает доминацию, агрессивное давление, обесценивание, подчинение, подавление как формы отношений, в которых ролевой процесс социального действия не включает взаимодействие и резонанс субъектов [12]. В данной форме отношений социогенез психики принимает закрытую эскапическую форму путем ухода из контакта со значимым другим, либо характер функциональной зависимости от значимого другого. Оба варианта протекания процесса социального функционирования в семейной системе формируют дефицит культурного потенциала процесса интериоризации (Е. В. Руденский) как постоянного усвоения моделей поведения в соответствии с задачами функционирования, встречаю-

щимися в жизнедеятельности. Таким образом, деструкция интерактивного механизма социогенеза в гиперопекающей семье образовывается в форме подавления развития механизмов функционирования модели психического (Е. А. Сергиенко) путем отсутствия взаимодействия со значимым другим в доминирующей и подчиняющейся-дефензивной формах взаимодействия. Данные формы взаимодействия формируют отсутствие потребности в усвоении моделей социально-нормативного поведения в силу контроля выполнения функциональных задач и выполнения функциональных задач путем усилия родителя, но не ребенка.

Деструкция процесса интериоризации в гиперопекающей семье протекает путем механизма гипертрофии семейного контроля, управления и ингибиции волевой спонтанной когнитивной деятельности ребенка родителем, разрушая зарождение и формирование мотивации исследования, изучения, поглощения предметов окружающей среды. Как пример, в настоящее время в образовательной среде существует феномен скользящего внимания, отлично отражающий разрушение системы регуляторных процессов обучения, результатом которого является утрата интереса, апатичное состояние субъектов образовательного процесса, не имеющих сколь угодно смысл интериоризации моделей в предметной среде, которая под давлением и воздействием гиперопекающего родителя становится конфликтной и диссонансной. В тот же время, существуют дети (в частности, младшие школьники) в гиперопекающих семьях, имеющие крайне высокую мотивацию изучения и обучения в школьной среде, связанную с условием получения признания родительской фигурой при успешности протекания процесса обучения. В данном формате процесса социогенеза личности интериоризация школьного материала детерминирована исключительно сохранением позитивной Я-концепции школьника в отношении с родителем, нежели какого-либо интереса к предметной деятельности учебного процесса, что делает крайне виктимной мотивационную сферу интериоризации и включения в процесс обучения после наступления подросткового кризисного этапа социогенеза идентичности, где, отделяясь от родительского контроля, субъект столкнется с полным отсутствием учебной мотивации.

Развитие ментальных процессов регуляции деятельности может происходить только в активном самопроявлении и разрешении субъектно важных задач – субъектной саморегуляции в процессе социальной адаптации как воплощении экзистенциально-значимых мотиваций личности [7], стремлении к психологическому благополучию [9], удовлетворению личностно-значимых потребностей [8]. Данный процесс возможен при протекании экстериоризации усвоенных ранее культурных сценариев с дальнейшим возобновлением цикла опредмечивания нового и присвоения ему смысла и ценности в процессе интериоризации. Деструкция процесса экстериоризации проявляется в описанном ранее механизме контроля и ингибиции самопроявления индивида, разрушая механизмы самопроявления и апробации культурных моделей поведения, что крайне необходимо для интеграции культурного опыта в сознание субъекта деятельности.

Деформация ментальных функций личности (приводящая по мнению Е. В. Руденского к культурно-психологическому дефекту социогенеза) при данной форме протекания социогенеза в гиперопекающей семье обретает общесистемную определенную направленность в построении жизнедеятельности, выраженную в двух больших позициях, выделенных Е. В. Руденским как деформированные диспозиционные системы деятельности виктимопата [12]. Данные две позиции формируются в результате деструкции механизмов саморегулирования в социогенетическом культурном развитии ментальных функций, формирующей дефицит ментального регулирования деятельности, что приводит к драматическому переживанию невозможности функционирования в трудных жизненных ситуациях. Отметим данные диспозиционные ментальные функциональные конструкции, представленные в работах Е. В. Руденского:

1. Эскапизм как избегание решения задач, уход от ответственности в построении собственной жизнедеятельности субъектом. Страдание от беспомощности построения действия в различных жизненных ситуациях, агрессивное обвинение иных субъектов в собственных неудачах совершения деятельности, если говорить о системной деформации диспозиционной направленности и операциональной насыщенности ментального репертуара моделей функционирования.

2. Пассивно-агрессивный ресентимент как перманентное обвинение, критика, недовольство и отвержение субъектного проявления человека в социальном окружении виктимопата.

Данные формы построения виктимной системы самосознания как структуры отношений к действительности формируются системой деятельности ментальных функций и реализуются в ментальной регуляции осуществления жизнедеятельности, которые возвращаются в культурном социогенезе личности. В настоящее время виктимологический анализ приходит к пониманию виктимодрамы ментального функционирования как причины виктимодрамы сознания и следствия виктимодрамы семейных отношений.

Таким образом, ментальное функционирование человека напрямую зависит от протекания механизмов их культурного развития в семейном пространстве гиперопеки раннего бытия субъекта. Анализируя каждую ментальную функцию по отдельности в развитии у ребенка, культивируемого в гиперопекающей семейной ситуации, можно сделать вывод, что необходимо посвятить каждой отдельной функции глубинный анализ в работе социального психолога-виктимолога как в диагностической практике, так и в консультативной и терапевтических практиках.

Список источников

1. Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни. – М.: Мысль, 1991. – 160 с.
2. Андреева Г. М. Социальная психология. – М.: Аспект Пресс, 2001. – 384 с.
3. Асмолов А. Г. Психология личности: культурно-историческое понимание развития. – М.: Издательский центр «Академия», 2007. – 528 с.

4. *Вареца Е. С., Скиба Н. В.* Изучение стилей семейного воспитания // Новая наука: от идеи к результату. – 2016. – № 1-3. – С. 47–51.
5. *Камзина О. А.* Взаимосвязь родительской тревожности и родительской компетентности, обусловленной социальными ожиданиями // Социальные явления. – 2016. – № 1 (4). – С. 55–60.
6. *Карпов А. В.* Психология сознания: метасистемный подход. – М.: РАО, 2011. – 1088 с.
7. *Лэнгле А.* Основы экзистенциального анализа. – СПб.: Питер, 2022. – 288 с.
8. *Маслоу А.* Мотивация и личность. – СПб.: Евразия, 1999. – 479 с.
9. *Мэй Р.* Искусство психологического консультирования: как давать и обретать душевное здоровье. – М.: ЭКСМО, 2002. – 256 с.
10. *Рубинштейн С. Л.* Бытие и сознание. – СПб.: Питер, 2012. – 288 с.
11. *Руденский Е. В.* Межличностная патология: теоретическое основание виктимологической концепции психологии развития // Развитие человека в современном мире. – 2020. – № 3. – С. 96–111.
12. *Руденский Е. В.* Субъектная виктимность как культурная патология личности: концептуализация проблемного поля клинической социально-психологической виктимологии. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2024. – 187 с.
13. *Соколова Е. Т.* Клиническая психология утраты Я. – М.: Смысл, 2015. – 895 с.
14. *Шадриков В. Д.* Ментальное развитие человека. – М.: Аспект Пресс, 2007. – 284 с.
15. *Штомпка П.* Культурная травма в посткоммунистическом обществе // Социологические исследования. – 2001. – № 2. – С. 3–12.

Информация об авторе

Максим Евгеньевич Кургузов, бакалавр психологии, магистрант 1 курса факультета психологии, Новосибирский государственный педагогический университет; педагог-психолог, средняя общеобразовательная школа № 155, Новосибирск; научный сотрудник, Лаборатория социально-психологической виктимологии личности профессора Е. В. Руденского, Новосибирск

Поступила: 11.12.2025

Одобрена после рецензирования: 17.02.2026

Принята к публикации: 06.03.2026